нове» — это взаимоотношения верховной власти и народа, в «Арапе Петра Великого» — историческая роль Петра, созидателя новой России, в «Капитанской дочке» — сложное соотношение двух сил, которые определяли и продолжали определять в его дни основное содержание послепетровского периода русской истории — независимого, благородного душой и верного своей чести дворянина и «черного народа». Почти аскетически отказываясь от всего лишнего, доведя рассказ до предельной простоты, Пушкин-художник всецело сосредоточивался каждый раз на том, что представлялось ему главным.

Во второй части драматической хроники «Генрих VI» Шекспир изобразил предводителя средневекового народного восстания — суконщика Джека Кеда. Причем он создал здесь отнюдь не простой, однозначный образ народного мятежника. Великий драматург придал Кеду немало снижающих, грубых, шутовских, буффонно-комических черт. И в то же время он вложил в уста Кеда возвышенные утопические размышления о будущем обществе, где все люди будут жить в мире и достатке.

Тем не менее Кед остается в хрониках Шекспира эпизодической фигурой, находящейся на периферии огромного, многофигурного мира шекспировских исторических драм. Его восстание — лишь эпизод, ибо не лица, подобные Кеду, определяют, по Шекспиру, основное содержание истории Англии. Поэтому образ Кеда не приобретает под пером Шекспира той символической значимости, благодаря которой фигуры коварного Ричарда III, безоглядно смелого Генри Хотспура, беспутного рыцаря Фальстафа или проходящего причудливую школу жизни на пути от юности к зрелости принца Гарри обрели для нас вечную жизнь. Именно в них, а не в Кеде — воплощение для Шекспира главных исторических сил, определяющих историю страны.

Нечто сходное можно сказать о В. Скотте. Шотландский романист горячо любил смелых и мужественных людей из народных низов — шотландского горца Эварда Дху, друга и помощника вождя своего племени Вих-Иан-Вора; мужественную простолюдинку Джими Динс, добивающуюся помилования для своей сестры; благородного разбойника Роб Роя или Кадди, верного слугу Генри Мортона в «Пуританах». И все же в романах Скотта главными остаются конфликты между саксами и норманнами, роялистами и протестантами, сторонниками династии Стюартов и нового, ганноверского дома, а не вопрос о взаимоотношении народа как самостоятельной исторической силы с благородным и мыслящим человеком из среды общественных верхов.

Любимый герой Скотта — такой, как Генри Мортон в «Пуританах» (которого не раз сравнивали с пушкинским Гриневым), одинаково чужд фанатизму тори и вигов, сторонников короля и пуританских мятежников, в лагерь которых его приводит судьба. Но он никогда не смог бы испытать чувства любви и своеобразного восхищения суровой личностью руководителя народного крестьянского движения, испытываемые Гриневым по отношению к Пугачеву, ощутить «пиитический ужас», который вызывает у пушкинского героя «простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице» [1, т. 8(1), с. 331].

Следует заметить и другое. Исторические драмы Шекспира, как и романы В. Скотта, по характеру своего историзма ретроспективны. В своих хрониках Шекспир прослеживает тот путь, которым Англия от Столетней войны, войны Алой и Белой розы и других феодальных распрей шла к воцарению Тюдоров. Поэзия доблестных рыцарских времен, сильных характеров и страстей в написанной им драматической истории Англии сменяется миром мудрой, упорядоченной государственности. Правда, позднее в своих трагедиях Шекспир показывает, что время, рождающееся из хаоса исторической вражды и кровавых страстей, оборачивается не эпохой порядка, а эпохой торжества политического коварства и маккиавеллизма. Добро — при всей присущей ему красоте — оказывается более хрупким, чем зло, и гибнет в борьбе с ним. Лишь в трех своих последних романтических драмах-сказках Шекспир возвращается к светлой мечте о конечной